Глава 68 – Героем, спасшим красавицу, оказался монах

Через весь центр города неслась неуклюжая лошадь. Прохожие уклонялись и разбегались во все стороны. Отовсюду были слышны крики и стоны.

Вскоре Чу Цин-Янь могла слышать лишь ржание лошади, а крики доносились все слабее и слабее.

Чу Цин-Янь открыла глаза. Из-за бешеной скорости, с которой неслась лошадь, занавески поднялись вверх. То, что увидела Чу Цин-Янь, напугало её.

Нельзя было упрекнуть её в этом, потому что лошадь бежала рядом с городскими столичными стенами. Однако лошадь, похоже, не заметила этого. С сильным рывком она бросилась вперед, прямо в стену.

Неужели это конец?

Чувство отчаяния охватило Чу Цин-Янь. Она так сильно хотела увидеть маму и папу. Она беспомощно закрыла глаза.

Если Сяо Сюй не нашёл её, будет ли он искать её? Случится ли чудо?

Чу Цин-Янь горько улыбнулась. В такой страшный момент, первый человек, о котором она подумала, был Сяо Сюй!

Лошадиные копыта неслись по земле, поднимая столбом пыль.

Чу Цин-Янь услышала слабый звук колокольчика и темплблока.

Чу Цин-Янь не обратила на этого никакого внимания, но она заметила, что карета начала замедляться, а ржание лошади становилось тише.

Звук колокола разносился всё громче, а удары по темпблоку становились все чаще и громче, напоминая успокаивающее заклинание, которое было похоже на внезапный непрерывный дождь, который был глотком свежего воздуха в этой духоте.

Чу Цин-Янь с удивлением обнаружила, как лошадь постепенно останавливалась, в мгновение ока она остановилась.

Не задумываясь, Чу Цин-Янь тут же подняла занавеску.

В её взгляде читалось удивление от происходящего.

Стена была всего в нескольких метрах от лошади. Взглянув на золотистые кирпичи, Чу Цин-Янь стало плохо. Она вскочила на месте и быстро вылезла из кареты, боясь, что лошадь снова сойдёт с ума.

Её слабые ноги не выдержали, и Чу Цин-Янь упала на землю, подняв пыль. Она начала кашлять, все она покрылась пылью. Но когда решается вопрос твоей жизни и смерти, так ли это важно?

Только когда Чу Цин-Янь оперлась на руки и собиралась подняться, она снова услышала звук колокольчиков. Разница была лишь в том, что теперь этот звук был слишком близко.

«Маленькая мисс, вы в порядке?» - послышался спокойный тон. Голос был таким тихим, почти бесшумным.

Она посмотрела в сторону источника звука и увидела одетого во всё белое человека, стоящего рядом с лошадью. Коричневая грива лошади скрывала его лицо. Чу Цин-Янь видела лишь его руку, и то, как он гладил лошадь по голове, успокаивая взволнованную лошадь. Самое удивительно, что лошадь действительно успокоилась.

Когда лошадь перестала фыркать и ржать, незнакомец сделал несколько шагов, обходя лошадь.

Чу Цин-Янь не отрывала взгляда от него. В её глазах вокруг него была аура серебристо-лунного света. С каждым его шагом, вокруг будто распускались лотосы.

В его чистом и умиротворенном взгляде, спокойной улыбке можно было заметить грусть, словно он оплакивал и жалел судьбу всего человечества. На его лбу красовалась красная точка. Любого другого парня она украшала бы, но на нем она давала чувство святости, однако ощутить её можно только издалека.

Чу Цин-Янь наблюдала за тем, как этот незнакомец приближался к ней. С глубокой озабоченностью он мягко спросил: «Маленькая мисс, вы можете встать?»

Чу Цин-Янь пришла в себя. Внезапно смутившись, она взглянула на незнакомца. Она попыталась утешить себя. Все любят красоту, даже если он ученик буддийского монаха, это не мешает людям оценивать его внешность.

«Могу», - Чу Цин-Янь было некогда заботиться о грязи и пыли на своей одежде. Дрожа и покачиваясь, она встала. Она так сильно испугалась, и страх ещё не прошёл, однако, пусть и с большим трудом, она все же встала.

Встав, Чу Цин-Янь заметила, что достает до его груди. Она не могла не вздохнуть. Похоже, в этом древнем мире все, с кем она встречается, всегда буду намного выше её, будь то Сяо Сюй, её папа или даже Сяо Жань, который был старше её всего на два года. Когда она разговаривала с ними, ей приходилось поднимать голову. Видимо, ей надо позаботиться о своём росте.

Она подняла голову, чтобы взглянуть на незнакомца перед собой. Он улыбался, но в его взгляде нельзя было прочитать ни грусть, ни радость.

Он был всего лишь 17-18 летним учеником монаха, но от него исходила такая аура, будто он уже многое видел.

«Господин, это вы спасли меня?» - Чу Цин-Янь поняла, что никто, кроме этого человека, не мог остановить и успокоить лошадь. В её голосе можно было услышать благодарность, а её глаза ярко сияли, когда она смотрела на него.

«Маленькой мисс не нужно беспокоиться об этом, я просто шёл мимо. Я остановил эту лошадь мимоходом, не более того», - легко посмеявшись, монах положил обе ладони на грудь и согнулся пополам.

Это не было скромностью или беззаботностью, но по тону его голоса можно было понять, что это был его долг. Возможно, именно этот нежный тон безо всяких причин успокаивал людей.

В своей предыдущей жизни Чу Цин-Янь жила в стране, в которой главной религией был

буддизм, поэтому на каждый праздник все вокруг было заставлено палочками благовоний. Тем не менее, Чу Цин-Янь видела лишь то, как ученики монахов входили и выходили, поэтому она ничего не чувствовала по отношению к ним. Она относилась к ним, как к обычным людям, просто одетым в буддийский наряд.

Но, встретившись с этим человеком, Чу Цин-Янь поняла, какими благородными бывают монахи. Она всем сердцем зауважала его, что тут же отразилось на её лице: «Я все же хочу поблагодарить господина за то, что вы дали мне руку и спасли меня».

Незнакомец слабо улыбнулся и кивнул.

«Маленькая мисс вежлива. Сначала я хотел бы вылечить эту бедную лошадь. Пожалуйста, простите меня за то, что я не могу и дальше говорить с маленькой мисс».

Чу Цин-Янь ту же замахала руками: «Господин, пожалуйста, делайте, что пожелаете, не нужно беспокоиться обо мне».

«Амитабха», - монах повернулся к лошади, что стояла, опустив голову. Засунув руки в рукава, он достал белую нефритовую бутылку. Открыв деревянную пробку и высыпав немного порошка на нож, он порезал лошадь. Лошадь встала на дыбы, но, постепенно успокаиваясь, пришла в себя.

Вот тогда Чу Цин-Янь заметила цепочку бусин, что висела на его запястье. Они были простыми и бесцветными, но то, как они скользили по его руке, завораживало. От этих обычных деревянных бусинок у людей возникали какие-то глубокие чувства.

Нехорошо было постоянно смотреть на человека, поэтому Чу Цин-Янь перевела взгляд на лошадь. Заметив на ней рану, чувство вины охватило все её мысли. Если бы не она, то лошадь была бы цела.

Возможно, монах заметил настроение Чу Цин-Янь, он погладил лошадь по голове и сказал: «Во всем есть причина и следствие, маленькая мисс, не вините себя. Если вы будете винить себя во всех грехах, ваше сердце никогда не успокоится».

Чу Цин-Янь поняла, что он пытается утешить её, поэтому, улыбнувшись, она сказала: «Спасибо, господин».

Из-за его движений время, казалось, замедлялось. А Чу-Цин-Янь задалась вопросом, почему такой быстрый и элегантный человек пришёл в буддизм и решил стать монахом?

Монах, похоже, совсем не возражал против этого любопытного взгляда, казалось, что он привык к такому вниманию. Он осторожно нанес лекарства на лошадь и через некоторое время, отдернув руку, закрыл бутылёк и спрятал её обратно в рукав.

Лошадь подняла голову, подставляя её под его руку, прося внимания. Внимательный взгляд Чу Цин-Янь заметил, что эта лошадь была достаточно умной. В её глазах можно было заметить благодарность.

Чу Цин-Янь с изумлением посмотрела на монаха. Похоже, для него это было не в новинку. На его лице красовалась довольная и невинная улыбка. Вокруг него снова появилась эта аура цветущих лотосов.

В этот момент раздался звук лошадиных копыт.

Чу Цин-Янь повернулась и увидела одетого во все черное человека, который стремительно приближался в их направлении.

http://tl.rulate.ru/book/8270/304891